

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВНЫЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

В ПРЕДДВЕРИИ ЦАРСТВА*

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что всем странам в мире предстоят ещё большие внутренние бури от социальных движений. Бури эти, вероятно, будут ужасны, и нерастерзанными могут остаться только те страны, в которых религия и государство составляют одно нераздельное целое.

Адмирал Макаров

1. “Ослабляющий врагов врагами...”

Уже говорилось в начале книги о том, что дети князей в те далёкие времена рано прощались с детством, приучались к беспокойному быту воина и политического деятеля и потому стремительно созревали для государственной жизни. Конечно, не без помощи толковых наставников. Но созревание Василия Дмитриевича, старшего сына Дмитрия Донского, даже в их ряду было слишком стремительным. Я удивляюсь, честно говоря, тому, что его жизнь, полная благородных деяний, авантюрных поступков, драматических ситуаций, даже компромиссов со своей совестью ради Отечества, не стала ещё поводом для замечательного приключенческого романа.

Для полноты понимания нами трагического состояния, в котором находились в то время остатки Киевской Руси, и в том числе Московское княжество, я приведу пристальное наблюдение Николая Карамзина. Писатель и выдающийся историк, говоря об успехах царя Ивана Грозного, справедливо пеняет иноземцам, которые не ведают разницы между Россией Василия Тёмного и Россией Ивана IV. Если великий князь имел только тысячу с половиной войска, то царь уже завоёвывал другое царство отрядом лёгкого войска, не утруждаясь действием других полков. “Не только иноземцы, но и мы сами не оценим справедливо государственных успехов древней России, если не вникнем в обстоятельства тех времен, не поставим себя на место предков и не бу-

* Окончание. Начало в № 1–3 за 2014 год.

дем смотреть их глазами на вещи и деяния, без обманчивого соображения с новейшими временами, когда все изменилось, умножились средства, прозябли семена и насаждения. Великие усилия рождают великое: а в творениях государственных начало едва ли не труднее совершения”. (Цит. по книге “Иван Грозный. Личность и судьба”. С. 82 М. “Дарь”, 2005.)

Как помнит уважаемый читатель, в результате стремительного нашествия Тохтамыша земля Московская подверглась разгрому и унижению. Дмитрий Донской, чтобы не потерять Владимирское великое княжение в споре с тверским князем Михаилом Александровичем, вынужден был послать в Сарай 23 апреля 1383 года своих бояр во главе с юным сыном Василием (родился 30 декабря 1372 года). Вручив богатые дары, посольству удалось убедить Тохтамыша не давать право на великокняжеский стол Михаилу Тверскому. Посольство было отпущено, но одиннадцатилетний княжич был оставлен в заложниках до возвращения московской дани в 8000 рублей серебром. Посольству Донской не мог оплатить такой огромный оброк сразу, но отрок почти три года находился в плену. Дмитрий Иванович оставался данником хана: чеканенные в Москве монеты имели на одной стороне княжеские знаки Дмитрия, а на другой – арабскую надпись “Султан Тохтамыш-хан”.

Сама неволя, тамошние порядки и кровавые междоусобицы пришлось свободолюбивому юноше не по душе. Нашлись доброты (скорее всего, из старомонгольского лагеря – противники исламизации Орды ханом Узбеком. – Авт.), которые “умысли крепко” и помогли четырнадцатилетнему Василию осенью 1386 года бежать на волю. Действительно, план побега был задуман умно, ибо княжич бежал во время охоты со своим окружением, не на запад, через рязанские земли, а на юг, в Подолию, где его принял по-дружески молдавский воевода Пётр. Затем княжич оказался на Волыни, где встретился с изгнанным из Литвы Витовтом, внуком Гедиминаса. Выдающийся политик того времени, будущий герой летописей и белорусской литературы, ровесник Дмитрия Донского, которого высоко ценил за смелость, он понимал, что его сын станет наследником Московского княжества, и потому, имея в мудрой голове далеко идущие планы, решил не только подружиться с Василием, но и отдать свою дочь Софью за него замуж, для чего и был подписан соответствующий договор. После этого в сопровождении польско-литовского отряда кружным путём, через Вену – Майнц – Кролевец (Кёнигсберг), Василий вернулся в Москву, где 19 января 1387 года его встретили бояре отца.

Любопытно и то, что история сохранила свидетельство о приезде митрополита Киприана летом 1387 года в Литву для встречи с Витовтом, с которым у него были добрые отношения. Тогда же он обручил 15-летнего княжича Василия с Софьей, дочерью Витовта, в надежде на будущее приятство двух русских князей. К тому времени, будучи крещён по католическому обряду, Витовт в 1384 году был снова крещён, но уже по православному обряду под именем Александра самим митрополитом Киприаном.

Через два года, в мае 1389-го, Дмитрий Донской, умирая, передал старшему сыну Василию Великому княжество Владимирское (то есть впервые в истории дома Калиты произошло присоединение целого княжества к территории Москвы. – Авт.). Он завещал сыновьям своим во всём слушать мать Евдокию Дмитриевну (дочь суздальского князя Дмитрия Константиновича) и старшего брата. Лично Василию он оставил Москву и в особенный удел – дорогую его памяти Коломну, а между остальными сыновьями поделил города и волости своего княжества. В предсмертном завещании он настаивал: “А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князь Васильев удел”. Это означало, что Василий Дмитриевич оказался первым князем, получившим великое княжение в наследство по завещанию отца, “как отчину московских князей”, а не по ханскому ярлыку, который надо было с дорогими подарками в руках выпрашивать в ханской ставке.

Заглядывая вперёд, мы скажем, что на основании этих слов второй сын Дмитрия, Юрий, считал себя наследником своего старшего брата как в московской земле, так и в Великом княжестве Владимирском. Возможно, он был не прав, потому что Дмитрий Донской, скорее всего, имел в виду только одно: смерть старшего сына бездетным, а не передачу наследия по лестничному обычаю. Тем не менее, это юридическое недоразумение вызовет в Московском государстве через тридцать лет мощное потрясение его начальных основ и закончится только в 1446 году.

Приняв в семнадцать лет отцовский трон, Василий Дмитриевич был посажен во Владимире на великокняжеский стол ханским послом Шахматом. Он понимал, что получил в свои руки не только Московское великое княжество, но и великие трудности внутри московской земли и за пределами её. Обстоятельства его княжения с самого начала оказались сложнейшими и могли бы разрушить созданное с такими трагическими усилиями Московское государство, чей попечительский статус среди других русских княжеств стал общепризнанным. Неожиданно для него претензии на стол великого князя Московского заявил дядя юного князя, знаменитый герой Куликовской битвы Владимир Храбрый, хотя перед своим уходом из жизни Дмитрий Иванович обговорил с двоюродным братом старшинство своего сына. После недолгих переговоров с Владимиром Серпуховским был заключён договор (Собрание государственных грамот и договоров, т. 1). Получив в свой удел города Волок-Ламский и Ржев, он признал старшинство юного князя.

Почему так произошло? Потому что за спиной Василия Дмитриевича было верное Московскому княжеству боярство, которое умело отстаивать и свои интересы, и потребности Москвы. Не случайно, умирая, опытный политик Донской сказал своему сыну, чтобы он держался московских бояр: его советники станут верными друзьями Василию. Вот как об этом писал уже известный читателю историк Николай Герасимович Устрялов: "...ещё не совсем погибли плоды Иоанна Даниловича: умные бояре, воспитанные в его школе, руководили сыном, следуя указанию великого и мудрого святителя, митрополита Алексея, который духовною властью смирял крамольников тем успешнее, что сам он пользовался особенной милостью хана".

Эта мысль не только верная, но и справедливая. Во времена разора, нестроения, дробления на мелкие части Руси и воинам, и крестьянам нужна была внутренняя устойчивость власти, предсказуемость её поведения. Иоанн Данилович своей умелой политикой создавал такую устойчивость. Вот почему бояре из разных крупных и мелких княжеств, видя благоустройство Москвы, тянулись к сильной и ласковой руке Калиты. При сыне его Иване Красном это тяготение усилилось. Бояре из поколения в поколение сближались с Домом Калиты, становились верными слугами и союзниками, советниками, а то и ближайшими родственниками, как мы видели это с родами Вельяминовых или Бяконтов. Постепенно образовалась категория "думцев". И княжеское решение укреплялось "общей думой всех наличных советников". Осознавая себя содеятелями усиления Московского княжества, они выполняли роль деликатных дядек-воспитателей при юных княжичах. Так было при возрастании Дмитрия Донского, так стало при возмужании Василия Дмитриевича, так будет и в последующем. Им явно не хотелось, чтобы какая-то боковая ветвь Рюриковичей захватила власть прямых наследников. Вот почему они спустя годы будут смертно стоять за отрешённого от власти Василия Тёмного!

У Василия Дмитриевича ещё в молодости проявились незаурядные дипломатические способности: он умел, когда было необходимо, и отступить с достоинством. Умел, когда обстоятельства изменялись, и наступать с пользой для своей земли. К сожалению, его княжество окружали крупные и сильные государства – Золотая Орда и Великое княжество Литовское и Русское, – и потому возможности для действий были сужены обстоятельствами времени. Но и в этой обстановке молодой князь держал ухо востро. В одно он неукоснительно верил – в помощь своих бояр, проверенных в сражении на поле Куликовом под руководством Дмитрия Донского.

Первым великокняжеским действием Василия I было подписание мирного договора с богатым Великим Новгородом, который очень опасался нападений со стороны Витовта. Вторым делом его стала женитьба на дочери Витовта Софии. Свадьба состоялась в праздник Рождества 1391 года в Коломне, где венчался в своё время и его отец Дмитрий Иванович. Москвичи не очень любезно отнеслись к браку с литвинкой. Сам же Витовт на свадьбе не был. Он в очередной раз бежал от двоюродного брата Ягайлы во владения Тевтонского ордена. К сожалению, в будущем брак между московским князем и дочерью литовского князя не привёл к прочному союзу между странами.

Третьим – и очень важным – делом было расширение сферы влияния Московского княжества. Он понимал, что в этом ему может помочь не тесть, а хан Золотой Орды. Василий Дмитриевич в своих думах был недалёк от истины. Владетелю Золотой Орды необходимы были безотказные союзники,

а точнее — их полки для походов. После зрелых размышлений выбор Тохтамыша пал на Василия Дмитриевича, который, среди четырёх русских великих князей выделялся здравым умом и своей казной. Он решил обласкать своей милостью Великого князя Московского. Хану Золотой Орды для расходов на войну против Тимура были срочно нужны огромные деньги. Ими могла его обеспечить Москва.

Когда открылись новые обстоятельства, то Великий князь Московский незамедлительно воспользовался ими и смело попросил у хана ярлык на присоединение к Москве Великого княжества Нижегородского. Тем более что московские бояре уже подготовили почву для такого необычного действия: они провели тайные переговоры с нижегородскими боярами, которые давно тяготели к Москве, недовольные политикой своего князя Бориса. Василий Дмитриевич лично появился в ставке Тохтамыша и щедро одарил хана и всю его знать.

Летописец так говорит об этом важном для истории событии: “Того же лета сложил князь великий Василий Дмитриевич крестное целование к великому князю Борису Константиновичу (Нижегородскому)... и пошёл в Орду к царю Тохтамышу со мною честию и с дарами; и начал просить великого княжения Нижнего Новгорода... к своему великому княжению к Москве, и умзди (в данном случае: оплатил. — **Авт.**) князей царёвых, чтобы печаловались о нём царю Тохтамышу; они же взяли многое золото и серебро и великие дары, так же и царь их Тохтамыш взял многое золото и серебро, и великие дары. И дал царь Тохтамыш... великое княжение Новгородское к Москве великому князю Василию Дмитриевичу, и пошёл князь великий Василий Дмитриевич из Орды от царя Тохтамыша с радостью, с послом царёвым, на Русь...” Получив ярлык на нижегородский стол, он вернулся в Москву в сопровождении чрезвычайных послов хана, которых затем послали в Нижний Новгород с ведущими московскими боярами. Великого князя Бориса, покинутого единомышленниками, быстро схватили. Нижний Новгород вынужден был принять в качестве наместника сподвижника Василия. Князь Московский снова пригласил в ставку Тохтамыш и обращался с ним “... с великой честью, какой не видал ещё ни один русский князь... и много любезно его жаловал и отпустил его на Русь”. Кроме Нижнего Новгорода хан отдал ему ещё уделы Городецкий, Мещерский и Тарусский. В ответ Великий князь московский согласился продолжать считать Тохтамыша своим покровителем. Это была умная сделка. Его прадед Иван Калита был бы доволен им. После устоявшегося присоединения эти города подпали под юрисдикцию московского митрополита Киприана и вошли в его епархию. Епископ нижегородский пожаловался на это подчинение греческому Патриарху. В 1393 году патриаршие послы приехали разбираться с жалобой, но церковный спор всё-таки решился в пользу митрополита Киприана.

Получив эти земли, Василий Дмитриевич приобрёл контроль над средним течением Волги. И, в первую очередь, над торговым движением по реке судов. Это стало сильно смущать Новгород, ибо его Двинские да “иные” земли, неблизкие по расстоянию от их материка, становились под сильную опеку московитов. Их тревожные ожидания вскоре воплотились в великокняжеское требование к торговой республике платы чёрного бора (побора с крестьян. — **Авт.**), княжчины и митрополичьего суда. Ранее, в 1391 году в Новгород приезжал митрополит Киприан и пожелал себе права митрополичьего суда над новгородцами, от которого они отказались ещё в 1385 году. В 1392 году Великий князь Московский потребовал от Новгорода неукоснительного исполнения всех его пожеланий. А по неисполнении своей воли совершил воинственный поход на Торжок, Волок-Ламский и Вологду. В отместку Василию Дмитриевичу новгородцы разрушили владения Московского княжества — города Устюг и Белоозеро. Но уже в следующем году заперсили мира “по старине”, то есть полностью выказали смирение. Господин Великий Новгород обязывался выплачивать все долги свои Москве, а великому князю и митрополиту лично доплатить ещё 350 рублей.

Став в 1392 году пожизненным великим князем Литвы, Витовт через три года прибыл в Смоленск и пригласил к себе смоленских князей якобы с целью примирения. Прибывшие князья были схвачены и лишены своих владений, и только одному Глебу был дан в княжение небольшой городок Полонное. Вместо изгнанных местных князей Рюриковичей Витовт поставил своих

наместников Василия Борейковича и Ямонта. С этого момента начались активные целеустремлённые нападения Великого князя Литовского на юго-западные земли русских князей. Начал он со своих родичей. Первым пострадало Витебское княжество Свидригайла, потом, после смерти двоюродных братьев Вигунда и Нариманта Ольгердовичей, он забрал себе их земли. Дальше — больше: аннексировал у Скригайло Киевское княжество, у князей Кариатовичей — Подольскую землю, у Дмитрия Корибута — Северское княжество... Аппетит его рос не по дням, а часам.

Василий Дмитриевич, хотя его и расстроил дерзкий захват Смоленска Витовтом, не мог выступить против своего тестя, не имея достаточных для победы сил. Он также понимал, что на западе ему не удастся расширить поле деятельности. Он знал о планах своего тестя по объединению территории бывшей Киевской Руси в одно государство. Витовт желал вырвать из объятий Польши все западные русские земли, а из объятий Золотой Орды — все восточные русские земли. Не единожды тесть предлагал объединиться с ним в походе против татар. Но умный князь Московский осознал, что усилившийся великий правитель Литвы не пощадит Москвы и подомнёт в своём властолюбии её территорию. Не для того по крохам собирали Московское княжество его предки, чтобы стало оно частью Литовского, которое к тому времени называлось так: Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское (по имени племени жмудь. — **Авт.**) и всех прочих. Конечно, он соглашался с дерзкими идеями своего тестя по уничтожению Золотой Орды, но уклонялся от присоединения своих сил к литовско-русским походам. Не имея возможностей самому воевать против Витовта, он вынужден был отмалчиваться до поры до времени. За эту осмысленную тактику сдерживания своих порывов его упрекали многие историки. На самом деле это была вынужденная тактика реального жизненного выжидания своего выхода на историческую сцену. Таких редких политиков, как Василий Дмитриевич, очень справедливо охарактеризовал Николай Михайлович Карамзин: “Смелость оправдывается только успехом; безвременная неудача губит державы — и часто благодарность Отечества принадежит тому, кто без крайности не держал опасности, не искал имени великого”. Потомки князя смогли понять его поступки, ибо они знали то, о чём не могли ведать современники: на восточном горизонте замаячило новое великое нашествие. И оно грозило быть более разрушительным, нежели Батыево!

Притянул к себе эту беду хан Тохтамыш. Как он возник на политическом горизонте Золотой Орды? Будучи по рождению чингизидом, он принадлежал к потомкам Тукай Тимура, тринадцатого сына Джучи, и потому имел право на трон в улусах, созданных его великим предком. В начале своей карьеры Тохтамыш служил полководцем у своего родственника Урус-хана, о котором мы говорили выше. Последний был ханом Синей Орды и в тот момент воевал с эмиром Тимуром (Тамерлан, Тимурленк — хромой Тимур. — **Авт.**). Когда Урус-хан ушёл в поход против Тимура, Тохтамыш, тайно получив военную поддержку от эмира, напал на столицу Урус-хана город Сугнак (на территории нынешнего Казахстана). Но неожиданно для себя был разгромлен и чудом спасся от гибели. Воины Тамерлана вытащили раненого Тохтамыша из реки, обогрели и доставили в ставку эмира в Самарканде. Появление беглеца в ставке Тимура накануне войны с Урус-ханом было весьма кстати. Тамерлан, как всякий восточный правитель, любил выполнять свои планы методом привлечения обиженных своими врагами. А Тохтамыш был сыном Туи-Ходжи-оглана, правителя Мангышлака, казнённого Урус-ханом за неповиновение. И потому Тамерлан оказал изгнанному воину пышный приём и поддерживал его в борьбе с Урус-ханом до тех пор, пока Тохтамыш не встал во главе Золотой Орды.

Сам Тимур, вопреки утверждению некоторых историков, не был чингизидом. Он родился в монгольском тюркизированном племени барлас в семье бека Таргая, получил религиозное образование. Военачальники, видя его незаурядное умение управлять войсками, избрали Тимура “великим эмиром” и доверили ему быть единоличным правителем Мавераннахра со столицей в Самарканде. Женившись на дочери эмира Хусейна, чингизида, Тимур стал величаться гураганом (зятцем хана). Мы помним о том, что и Мамай был гурганом.

Это было время, когда стала разрушаться империя Великого Могола. Малочисленные монгольские племена подпадали под влияние культуры много-

численных тюркских народов и постепенно перерождались. Тимур был смелым и расчётливым воином, сумевшим создать свою армию, состоявшую из наёмников-профессионалов. Он оснастил её даже огненным оружием – великой редкостью для воинских отрядов народов Востока. Он прекрасно говорил на персидском языке, одном из благородных языков мира, был начитан, знал восточную поэзию и сам был мудрым поэтом. Он говорил, что “благоразумие завоевывает царства, не поддающиеся мечу”. Своими завоеваниями на Востоке Тимур создавал новое государство. У него была навязчивая идея построить свою империю, в которой он правил бы единолично. “Всё пространство населенной части мира, – говорил он, – не стоит того, чтобы иметь двух царей”.

Но этой мечте помешал его бывший офицер, ставший ханом Золотой Орды. У Тохтамыша были свои запредельные планы, и империи Тамерлана места в них не было. Первым его шагом после невероятной удачи с покорением Москвы было нападение на Хорезм, но оно закончилось неудачей. Выдав время и основательно подготовившись, зимой 1385–1386 годов Тохтамыш захватил Тебриз, пообещав жителям города, как и москвичам три года назад, мир и согласие. Но войдя в город, он поступил так же подло и жестоко. Город был разграблен и разрушен так же тщательно, как Москва. Этот набег раскрыл Тимуру глаза на серьёзность опасности, угрожающей ему со стороны Золотой Орды. Как только Тохтамыш ушёл на север, Тимур с сильной армией появился в Азербайджане. Зимой 1386–1387 годов в Дагестане передовые отряды Тимура вступили в битву с армией Тохтамыша. Хан приказал отступить.

Кстати, именно в то время, воспользовавшись походом Тохтамыша на Восток, бежал из своего плена юный княжич Василий Дмитриевич.

На следующий год Тохтамыш решил повторить своё нападение. Вот как об этом говорит оригинальное мусульманское сказание: “Рассказ о выступлении Тимура на войну против Токтамыш-хана и об одержании победы при помощи Божией”.

“Так как злая судьба, которую непреложное перо начертало на челе несчастий и бедствий, привела Токтамыш-хана к тому, что он, забыв все милости и попечения Тимура, отважился на неблагодарность, то он собрал со всего улуса Джучи, доставшегося ему лишь благодаря помощи и содействию Тимура, огромное войско... С такою неподдающейся счёту армией, превосходившей число древесных листьев и дождевых капель, в конце 790 года (1 января – 30 декабря 1388 года. – Авт.), соответствующего году крокодила, в начале зимы двинулся он против Тимура...”

И далее с замечательной образностью описывается битва и разгром противника. Несмотря на подобные поражения, Тохтамыш постоянно набегал (чаще всего, когда Тимур был в походах) на земли империи и грабил города и кишлаки. Конечно, великий эмир Самарканда понимал, что победить врага можно только на его территории. Но перед этим нужно было уничтожить его союзников. Тамерлан последовательно разгромил войско Хорезма, буквально сравнял с землёй Ургенч и разбил кыпчакскую орду, входившую в состав Золотой Орды. На следующий год он напал на владения узбеков, которые были союзными этому государству. И только в 1391 году двинулся со своей армией на Волгу. Тамерлан собрал лучшие свои силы в мощный кулак. Он понимал, что прокормить войско ещё можно, охотясь на степных зверей, а коней – невозможно, ибо в таком долгом походе корма не напасть. Но и здесь ум его нашёл талантливый выход. Час похода был пробит тогда, когда трава зазеленела и стала в росте своём продвигаться медленно на север. Вместе с зелёной весной двигалось и мощное войско Тамерлана.

Понятно, что Тохтамыш не ожидал такого “коварства” от Тамерлана и был застигнут врасплох. Он стал спешно собирать свои отряды. Просил хан о помощи и Великого князя Московского. Со своим отрядом Василий Дмитриевич участвовал в походе против войск Тамерлана на берега Сыр-Дарьи. Когда князь Московский увидел поражение Тохтамыша, то он вспомнил обман жителей Москвы и последующее разрушение родного города в 1382 году и без сожаления развернул свой отряд в низовья Камы. Вовремя перейдя на правый берег, он избежал поражения. Кстати, суздальским отрядом в этом долгом походе командовал Великий князь Борис Константинович Нижегородский. Поражение золотоордынских войск на реке Кондурче (приток Волги) в 1391 году было неминуемо. В этой битве Едигей, зять Тохтамыша, изменил своему хану и перешёл к Тамерлану вместе со своими воинами. Но Тохтамыш и на этот

раз сумел избежать плена. В гневе своём за предательство Едигея, назло своей дочери Джанике-ханум, он убил её мать, свою супругу – ханшу Тогай-бек.

Арабский историк Низам-ад-дин-Шахи так описывал происшедшее сражение: “Взвилась на воздух пыль от копыт и лилась кровь от мечей. Кони смерти не переставали носиться и крутиться, и погрузились в море крови все – и знатные, и простые. Длился этот рой и погром три дня. Пыль и кровь застилали очи бившихся, и казалось им, что земля стало шесть, а небес, как морей, восемь”.

В итоге произошедшего стало ясно, что Тамерлан не смог окончательно победить своего противника и противостояние двух самолюбивых полководцев продолжается. Тохтамыш вернулся в Сарай. Мурзы, изменившие ему, вернулись к хану. Тот, желая удержать их, дал им привилегии. В последующие годы Тохтамыш снова укрепил на всей территории Золотой Орды. Подбирая себе союзников, хан в 1393 году обратился к польскому королю Ягайле. Высылая ему ярлык, он сообщает: “Бог нас пожаловал опять, наших неприятелей-врагов дал нам всех в наши руки. Мы их казнили так, что опять не будут нам пакостить...”, – и просит “брата Ягайло” заключить с ним не только военный союз, но и надеется на восстановление торговых отношений между государствами “без приим”, то есть без пошлин.

Есть в этом послании и любопытная деталь. Хан просит Ягайлу собрать выходы с “подданных нам волостей”, захваченных Литвой, и вручить “идушим послам для доставления в казну”. Это красноречиво говорит о том, что литовцы всё-таки платили тогда дань с Киева, Подолии и некоторых других западно-русских районов Золотой Орде. В следующем 1394 году послы Тохтамыша побывали даже у египетского султана Фарахта, но сведений об этих переговорах не имеется. Был заключён договор о помощи и с турецким султаном Баязетом. Известно также, что союзнические отношения были налажены и с царём грузинским.

Собрав за три года огромное войско и обучив его, амбициозный Тохтамыш решил продолжить войну с империей Тамерлана. Уже осенью того же года, пройдя по кромке Каспийского моря мимо Дербента, его войска появились в районе Ширвана (северный Азербайджан. – **Авт.**), жестоко воюя с населением. Тимур потребовал, чтобы Тохтамыш признал его власть над этой территорией, но тот не согласился. Когда же своими военными действиями хан показал неукротимый и дерзкий характер, великий эмир вынужден был ответить ударом на удар. 15 апреля 1395 года в долине реки Терек завязалось крупнейшее из сражений того века. Две армии, насчитывавшие более двухсот тысяч человек каждая, схлестнулись в яростной атаке. Пробив центр войска Тохтамыша, воины Тимура в горячке боя вырвались вперёд, но неожиданно были атакованы свежим отрядом татар. В критической обстановке боя великий эмир показал хладнокровие и умение биться с врагами. Его богатыри, создав оборону из татарских телег, дождались подкрепления. В кровопролитной битве войско Тохтамыша было разбито, победителю достались несметные сокровища хана, как и после победы на реке Кондурче. Сам Тохтамыш бежал в Литву. После небольшого отдыха отряды Тамерлана огнём и мечом прошли по территории Золотой Орды, уничтожая селения, разрушая города, в том числе и столицу Золотой Орды Сарай-Берке, основанную внуком Чингисхана и братом Батыя ханом Берке. Великий воин Тамерлан нанёс поволжскому государству такие раны, от которых ему уже невозможно было подняться на ноги. Но агония его продолжалась ещё восемьдесят лет, пока внук Василия Дмитриевича Иван III Великий не покончил с ним окончательно у чистых вод реки Угры.

Великий князь литовский с распостёртыми объятиями встретил бывшего хана Золотой Орды и его сильно поредевшую армию. Его не смущало сегодняшнее положение Тохтамыша. По себе он знал, что время переменчиво. К тому же у литовского полководца были далеко идущие планы по использованию способностей бывшего татарского повелителя. Он отдал ему в качестве резиденции красивый замок в Лиде.

За грозными событиями века с тревогой следили в Москве. Василий Дмитриевич и митрополит Киприан готовились к нашествию азиатского полководца на русские земли. В течение летних месяцев было собрано войско для отпора армии Тамерлана. Василий I, оставив в столице сильный гарнизон под руководством великого воина Владимира Храброго Донского, основные силы сосредоточил в Коломне ещё в начале августа. По западному берегу Оки мож-

но было быстро организовать заслон от нападения неведомого эмира. Москвичи знали, что азиаты разгромили Елецкое княжество, подчинённое Золотой Орде, и тревожно ожидали похода их на Москву. Тимур, в свою очередь, решив грабить окрестности, ждал от своих разведчиков вестей о положении русских северных земель. Получив сведения, он решил, что лучше вернуться с награбленным добром на родину, нежели искать удачи в неведомой стране, одолевшей полководца Мамай и уже готовой сразиться с ним самим. К тому же интересы Тамерлана лежали не в северной, а юго-восточной стороне.

Сделав вид, что начинает наступление на Москву, Тамерлан разворачивается и уходит в сторону Крыма в надежде пограбить богатейших купцов Азова и Кафы (Феодосии). Возможно, что его разведчики доложили о движении войска Витовта на помощь своему зятю. Возможно, на это решение повлияло восстание на Кавказе среди черкесов, татар и осетин. Возможно влияние небесных сил, ибо именно в этот благословенный день Успения Богородицы москвичи встретили образ Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, принесённый из Владимирского кафедрального собора по просьбе митрополита Киприана и Василия Дмитриевича. Это была та чудотворная икона Богородицы, которую князь Андрей Боголюбский, основатель Залесской Руси, в 1155 году по пути во Владимир забрал из Вышгородского монастыря. По преданию, она была написана евангелистом Лукой и вывезена им из Константинополя. Торжественная встреча духовно повлияла на жителей столицы великого княжества. Такой поворот событий был для Московской Руси спасительным: участь великого погрома на этот раз миновала Москву. Великого князя устраивало сложившееся положение на Волге. После разгрома Золотой Орды он перестал присылать в Сарай дань. Деньги нужны были и в московском хозяйстве: в 1395 году сгорело несколько тысяч домов на посаде (будущий Китай-город). И пять лет назад тоже “сгоре неколико тысяч дворов”. После этого пожара Василий Дмитриевич задумал построить укрепление перед посадом. Летописец записал так: “Замыслиша ров копати и почаша с Кучкова поля (от Сретенского монастыря), а конец в Москва-реку, шириною в сажень, а глубину в рост человека”. И далее с большим сочувствием к горожанам продолжал: “Много бысть убытка людям, потому что поперег двора копаша и много хором размоташа”, то есть было разрушено.

А впереди русичей-москвитов ожидали новые испытания.

Вскоре в растерзанной погромами Тимура Золотой Орде появились два властителя, бывшие офицеры, воевавшие в армии завоевателя. Один из них – царевич Корейчак – был сыном Урус-хана, потомком Чингисхана, а другой – Едигей Мангит – был мурзой. Полководец Едигей не был чингизидом, поэтому после ранней смерти царевича предложил Темир-Кутлугу, двоюродному брату Корейчака, стать новым ханом. Узнав об этом, Тохтамыш пытался вернуться на трон в Сарае, но Темир-Кутлуг разбил его войско. Едигею же, который был владетельным ханом Ногайской Орды (от него пошёл род русских князей Юсуповых. – **Авт.**), он предложил стать правителем двора (главой правительства). Подобный ход событий не устроил Витовта, который хотел вернуть власть в Золотой Орде своему ставленнику Тохтамышу. Великий князь Литовский стал собирать армию для вторжения. Узнав об этом, Темир-Кутлуг потребовал от Витовта выдачи бывшего хана. Витовт отверг его требование и ускорил сбор войска для нападения на Сарай.

Василий I знал об этих приготовлениях, догадывался о конечных результатах этой авантюры своего тестя, даже поддержал его мысль о возврате на трон Золотой Орды Тохтамыша, но участвовать не стал. Он берёт своих воинов и не хотел, чтобы они погибали на чужих полях за чужие интересы. Впрочем, у него и своих забот хватало. После коварного захвата Смоленска в 1395 году Витовт стал внимательно присматриваться к Великому Новгороду. Его давно привлекал этот богатый город, но и раздражал своей независимостью, особенно дружбой с немецкими торговыми городами. При встрече Витовта и Василия в Коломне они договорились убедить новгородцев разорвать отношения с немцами. Московский князь выслал своих послов, но гордые новгородцы отделались посланием: “Господин великий князь, у нас с тобой мир, с Витовтом – иной, и с немцами – иной”. В 1397 году началась война: москвичи захватывали новгородские земли, новгородские воеводы грабили и сжигали великокняжеские Белозерскую и Кубенскую волости, Вологодскую землю, Белоозеро и Устюг...

В общем, повоевали от души. А потом прислали послов в Москву для заключения мира “по старине”. Василий Дмитриевич согласился на этот мир, поскольку он уже не доверял тестю. Для него не стало новостью недавнее заключение обоюдновыгодного договора Витовта с магистром Ливонского ордена. Литовский князь обещал помочь ордену в нападении на Псков, а тот обещал поддержку в захвате Новгорода. Летописец так описал мысли великого князя литовского: “Похвалялся Витовт, говоря: пойдём и победим царя Темир Кутуя, возьмём царство его, посадим на нём царя Тохтамыша, а сам сяду на Москве, на великом княжении, на всей русской земле”.

Туши над головой Великого княжества Московского стали снова сгущаться. Но, как говорится в народе, “не было бы счастья, да несчастье помогло”. Витовт, собрав стотысячное войско, пошёл войной на Золотую Орду. Он был в полной уверенности, что победит. Но Господь не любит самонадеянных. В августе 1399 года у реки Ворсклы мощная армия Витовта, состоявшая из отборных полков Киевского, Смоленского, Волынского, Рыльского и других юго-западных русских (белорусских) воинов, большого польского отряда с пушками, а также из немецких рыцарей, татар Тохтамыша и литовцев, потерпела жестокое поражение от умелых татарских полководцев Темир-Кутлуга и Едигея. В этом великом сражении, равном по масштабу Куликовской битве, погибли участники её Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, знаменитый воевода Боброк-Волынский, а также князь Смоленский Глеб Святославович, князь Киевский Иван Борисович и другие выдающиеся витязи. Победителям достался княжеский обоз с несметными богатствами. Литовский князь и Тохтамыш позорно бежали. Татары гнались за ними до самого Киева. Горожане, чтобы татары не уничтожили город, откупились традиционными тремя тысячами рублей. А Витовту пришлось заплатить победителям ещё и требуемую ими сумму от себя. Таким образом, мечта литовско-русского князя стать объединителем всех русских земель вокруг Вильно не состоялась. Победа Золотой Орды лишила Витовта выхода к Чёрному морю. Один из пунктов договора с Едигеем был самый унижительный: выдворение Тохтамыша с территории Великого княжества Литовского и Русского. Но Витовт не был бы великим деятелем Западной Европы, если бы отказался от всех амбициозных планов. Именно думая о них, стратег, подготавливая будущее, вскоре заключил с новгородцами мир, как и зять его, по старине. А на следующий год состоялась Виленская уния – формальное включение Литвы и её владений в состав Польского королевства. На самом деле это была дипломатическая ловушка: Витовт и его подданные были вынуждены принести письменное обещание о верности Польше. И хотя он был признан Великим князем литовским, но все переданные ему во владение земли, в том числе завоёванные им, после его смерти отходили к действовавшему королю и королевству Польскому...

Не прошло и пяти лет, как Витовт почувствовал снова в себе силу и крепко взялся за восстановление своего достоинства. В 1405 году он вернул под свою власть Смоленск, который выскользнул из его рук, и снова занял Вязьму. После этого он захватил малые княжества Перемышльское, Новосильское, Одоевское, Воротынское, которые располагались в верховьях Оки... Василий I, понимая, чем эти захваты грозят его княжеству, объявил войну тестю. Переговоры состоялись под Можайском и закончились перемирием. Трижды Великий князь Московский выводил своё войско по просьбе Пскова и Новгорода против Витовта: первый раз – в 1406 году близ Крапивны, второй раз – в 1407 году у Вязьмы и, наконец, – против Витовта с Ягайло в 1408 году на реке Угре). К счастью, до кровопролитной битвы дело ни разу не дошло. А река Угра, где был заключён вечный мир, стала узаконенной границей между Литвой и Русью. Пройдёт ещё 72 года, и при внуке Василия I Иване Васильевиче III Великое противостояние на Угре хану Ахмату станет символом окончательной независимости России от наследников Золотой Орды.

Но перемирие – это не мир. Чтобы обезопасить Москву от притязаний Витовта, Василий Дмитриевич пригласил к себе младшего брата польского короля Ягайло Свидригайло Ольгердовича, который враждовал с великим князем Литвы Витовтом. На тот момент Свидригайло был владельцем Чернигово-Северского княжества со столицей в Брянске. В 1408 году он с большой свитой князей и православных священников приехал в Москву к Василию I и получил от него ряд городов “на кормление”: Владимир, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Волок-Ламский и Ржев, а также половину Коломенского кня-

жества. Но ему не повезло: в том же году эти города были разорены ордынцами во время нашествия Едигея на Москву. В следующем году Свидригайло, по сообщению летописца, “от тех Едигеевых татар утомился зело” и вернулся в Литву. Витовт продолжал своё политическое давление на Василия Дмитриевича, заключая договора против него с враждебными Москве княжествами Тверским, Рязанским и Пронским, вмешивался в дела Новгорода и Пскова.

Поход на Москву эмира Едигея, умного полководца и организатора, который за несколько лет сумел преобразовать дряблую и пассивную Золотую Орду в крепкое государство, был продуман от начала до конца. Он должен был наказать князя Василия за пренебрежение к обязанности выплачивать дань своему повелителю. Нападение было неожиданным и дерзким, но эмир не ожидал такой самоотверженности от защитников столицы, которыми руководил князь Владимир Храбрый, и умения защищать свой город от уничтожения. Более того, Едигей не ожидал дипломатического удара от великого князя: в отсутствие эмира в Золотой Орде произведена была попытка переворота. Потому, спасая своё правление, Едигей, взяв дань в 8000 тысяч рублей серебром (таковым же был размер дани, выданной Тохтамышу за его нашествие на Москву), поспешил вернуться в Сарай. А великий князь Василий поспешил вернуться из Костромы в свою столицу.

Впереди у Василия Дмитриевича было ещё пятнадцать лет жизни, но он не испытал более ни одного нашествия и даже нападения на родную землю. После неожиданной гибели Едигея в татарской столице снова началось нестроение. Василий Дмитриевич мастерски использовал усобицу в Золотой Орде: и с 1395 года по 1412 год он не платил татарам дани. В 1410 году умер его дядя Владимир Андреевич Храбрый – великий воин и мудрец, ставший на горло собственным амбициям ради спасения прямой линии престолонаследия московских князей. В этот же год произошла ставшая знаменитой Грюнвальдская битва. Объединённое польско-русско-литовское войско под руководством братьев – короля Польши Ягайло и великого князя Литовского Витовта – разгромило рыцарей Тевтонского ордена. В бою русское войско сражалось особенно самоотверженно. На смоленские полки легла главная тяжесть боя. Идеологом и воплощением этого плана в жизнь был Витовт. Немалую долю в эту победу внёс и сын Тохтамыша хан Желал-эд-дин “Саладин”, который ненадолго стал ханом Золотой Орды. Брат его Керимберды, убив в 1412 году Желал-эд-дина, также недолго был ордынским ханом. В это же время Василий Дмитриевич узнал, что нижегородские князья пытаются вернуть себе великое княжение, что молодой князь Иван Тверской, подружившийся с Витовтом, поехал за ярлыком в Сарай. Не мешкая, он собрался к новому хану. Оказывается, Керимберды не забыл, как после смерти Тохтамыша великий князь приютил в Москве его со старшим братом: он ласково встретил в своей ставке Василия Дмитриевича. После недолгого разбирательства Московский князь выиграл нижегородское дело.

Конечно, на фоне жёсткого характера отца характер Василия Дмитриевича многим казался мягким, даже нерешительным. Но это было не так. Иначе бы его не любили в народе и не чтили бы враги его. Вспомним, что именно при нём были присоединены к Московскому княжеству Нижний Новгород, Суздаль, Муром, Ростов, часть черниговских уделов – Таруса, Козельск, Перемышль, а также некоторые новгородские земли – Бежецк, Вологда. Были по-братски улажены многочисленные споры с великим княжеством Рязанским (1403).

В 1411 году семья Великого князя Московского породнилась с Мануилом Палеологом: княгиня Анна была выдана за Ивана, сына византийского императора, которому Василий Дмитриевич посылал серебро для борьбы с турецким завоевателем Баязетом.

Современные исследователи мало уделяют внимания духовной и творческой жизни Москвы того времени. А она была разносторонней и плодотворной. Один из внимательных историков нашей столицы В. В. Назаревский наглядно показывает в своей книге очерков “Из истории Москвы. 1147–1913” (А. А. Левинсон. Москва. 1914) не только численный рост населения столицы, но и культурные успехи её. Для убедительности позволю себе привести из книги неопровержимый пример самобытности московичей эпохи Василия Дмитриевича: “Несмотря на то, что татары Тохтамыша пожгли массу рукописей и книг, кои с разных сторон “были спроважены в Москву сохранения ради и были намётаны в церквах до тропа (стропа или свода), русская письмен-

ность в это княжение поднялась опять благодаря трудам Киприана, Фотия, а также Епифания Премудрого, Кирилла Белозёрского и др. Многие рукописи данной эпохи обильно украшены прекрасными миниатюрами, орнаментом или узорочьем, заглавными буквами или заставками. Здесь искусные мастера рукописного дела проявляли немало самобытного русского творчества. В это время в Москве, кроме пергамента, продолжали писать на бумаге хлопчатой и тряпичной. Равным образом русское зодчество и живопись в Москве продолжали успешно развиваться. В это время творили великие мастера, художники-иконописцы Игнатий, Даниил Чёрный, Кнаш, Феофан Гречин, Симеон Чёрный, старец Прохор из Городца”.

Воспользовавшись относительно мирным временем, Великий князь Московский уделяет большое внимание созданию культовых построек. Во время его правления в Московском Кремле были построены монастыри Вознесенский, Рождественский и Сретенский, а также ставший знаменитым Благовещенский собор, который расписывал сам Андрей Рублёв. За этим храмом Василий Дмитриевич на башне великокняжеского дворца устроил великую диковинку: часы с боем, коих никогда не было на нашей земле ранее. Сотворил это диво дивное афонец Сербин Лазарь. Об этих часах летописец сообщает: “сей же часник наречется часомерье: на всякий же час ударяет (железный человек. — Авт.) молотом в колокол, размеряя и рассчитая часы ночные и дневные: не бо человек ударяще, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищено...” Народ собирался толпами, чтобы услышать этот бой, и дивился сему зрелищу.

Подводя итоги правления Василия Дмитриевича, можно с уверенностью сказать, что оно было благотворным как для жителей Великого княжества Московского, так и для роста будущего государства.

В 1422 году Витовт попросил московскую и тверскую дружины помочь ему в борьбе с Тевтонским орденом. Василий I знал, что литовский князь не даёт ордену захватить Жемайтию, западную землю, которую населяет языческое племя жмудь. Эта территория знаменательна тем, что находилась между двумя немецкими землями: Ливонией и Пруссией. Сам факт существования непокорного племени раздражал тевтонских рыцарей. И они пытались многие годы решить эту проблему и военным путём, и путём переговоров то с Ягайло, то Витовтом. Те обещали, но не могли в силу разных обстоятельств помочь. Жмудь оказалась крепким орешком. Но орден решил подчинить её себе во что бы то ни стало! Московский князь пошёл навстречу Витовту. Русские отряды помогли литвинам, и по Мельскому миру тевтонцы вынуждены были отказаться от всяких прав на Жемайтию.

Через три года, умирая от жестокой болезни, Василий Дмитриевич просит 75-летнего своего тестя Витовта защитить великокняжеские права его внука и своей супруги. Он очень опасался властолюбивых братьев своих Юрия и Константина Дмитриевичей. И не напрасно!

2. “И в слепоте оказывая более государственной прозорливости...”

Получив это известие, Великий князь Литовский возликовал. Наконец-то пала единственная преграда, мешавшая ему разделаться с Московским княжеством и присоединить все оставшиеся русские земли под свою руку! Ровесник Дмитрия Донского, не воспринимавший всерьёз своего зятя, он начинает, по сути, борьбу против Великого князя Московского, своего десятилетнего внука Василия Васильевича. Для начала Витовт заключает письменные договоры о мире с двумя издавна соперничающими с Москвой княжествами: Тверским и Рязанским. Далее, благодаря содействию митрополита Фотия, он подписывает с Юрием Дмитриевичем Звенигородским, братом Василия I, мирный договор (1425), по которому тот отказывается от силового захвата московского трона. На следующий год Витовт вторгается в пределы псковской земли и подходит к Опочке, но жители села устраивают литовцам ловушку, в которую попадает и погибает немало воинов Витовта. Литовскому князю пришлось отступить к городу Вороничу. Здесь захватчиков настигла невиданная доселе гроза. Воины в ужасе разбежались. Тем временем псковичи связались с московским князем Василием Васильевичем (и матерью его Софьей

Витовтовной), и тот направил к своему деду посольство с предложением о мире. Псковичи в качестве отступного добавили к этому пожеланию 3000 рублей серебром. Витовт удовлетворился таким дорогим даром и с радостью вернулся в свои пределы.

В свою очередь, уверенный в своей правде, князь Звенигородский пробует силой захватить то, что, по его разумению, он должен получить мирно по завещанию своего старшего брата Дмитрия Донского – великокняжеский престол. Поэтому, когда к нему в 1325 году в Звенигород приехал от митрополита Фотия боярин Акинф Ослебятев (родственник героя Куликовской битвы инок Осляби), он отказался приезжать в Москву для принесения присяги Василию II и уехал в Галич Костромской. Понимая, что ему нужно время для сбора войска, он попросил время для раздумий. Но и в столице понимали, для чего ему нужна передышка, и, собрав большую рать, двинулись в сторону Костромы. Юрий Дмитриевич удачно ускользал от неприятелей то в Нижний Новгород, то за Суру, то снова в Галич. Оттуда и попросил он перемирия на год. В июне 1425 года митрополит Фотий, радеющий за “велию тишину” в великом княжестве и сам неутомимый заботник веры и Отечества, приехал для переговоров о мире. Но князь Звенигородский не шёл на уступки и упрямо ставил свои условия. В итоге мир всё-таки был заключён, и Юрий Дмитриевич получил благословение церковного иерарха.

Через три года Великий князь Литовский без особых усилий добился от московских бояр грамоты за подписью Василия II – отречения от независимой политики Московского княжества в Великом Новгороде и Пскове. И защищая своего внука, а на самом деле устраняя противника, Витовт убеждает дядю великого князя Юрия Дмитриевича отказаться от права на великое княжение московское, ограничивая его владения Вяткой и Галичем (1428). А в дополнение к этому берёт с него обязательство не принимать на службу тех, кто уехал из столицы. 27 октября 1430 года, так и не дождавшись королевской короны от императора Сигизмунда, восьмидесятилетний Витовт умирает. Пятидесятилетний Юрий Дмитриевич воспрял духом. Он пытается воспользоваться неожиданным даром судьбы и направляется в ставку хана Золотой Орды, чтобы получить ярлык на великое княжение. Он очень надеялся на помощь эмира Текие, соратника хана Улу-Мухамеда.

Вслед за Юрием Звенигородским едет и его шестнадцатилетний племянник вместе с московскими боярами. Они надеялись, в свою очередь, на поддержку самого хана, которого после поражения от Борака, внука Тохтамыша, за десять лет до этого приютил у себя князь Витовт. Долгое, более года длящееся пребывание соперников в ставке хана в итоге закончилось победой Москвы.

Как нам уже известно, Дмитрию Ивановичу Донскому удалось склонить своего двоюродного брата Владимира Храброго к тому, чтобы уступить права великого княжения семнадцатилетнему Василию I. Нам известно и то, что после смерти великого князя герой Куликовской битвы попытался занять трон великокняжеский по праву старшего в роду. Но получив в управление ещё два города, вспомнил своё обещание и признал всё-таки племянника старшим над собой.

Немудрено, что сильный и настойчивый Юрий, сын Дмитрия Донского, ссылаясь на его завещание, пожелал сесть на великокняжеский стол. Василий Дмитриевич знал каверзный характер своих братьев Юрия и Константина и, опасаясь силового захвата власти, попросил Витовта взять под свою опеку внука. Известно также, что юному князю помогли принимать ответственные решения близкие бояре: мать Софья Витовтовна, умная и сильная женщина, и, конечно же, митрополит Фотий.

Назначенный Патриархом на всероссийскую кафедру ещё в 1408 году, сразу после страшного разгрома русских земель Едигеем, Фотий более полутора года пробыл в Киеве, где нашёл способ примириться с Витовтом, до того не желавшим его видеть на патриаршей кафедре. Таким образом, он простирает свою духовную власть и на Литву, и на Галичину. Приехав в Москву, митрополит навёл строгий порядок в церковном хозяйстве. О его неуёмной деятельности в летописи записано: “стяжанья митрополю своя церковная и доходы Фотей митрополит нача обновляти и, что где изгибло, начат изыскивать; или от князей и бояр избобиженно, или от иных неких лихоимцев что восхитено, села, власти и доходы и пошлины Христова дому и Пречистыя Богородицы и свв. великих чудотворцев Петра и Алексия, он же вся сия от них взима-

ше и утверждал крепко в дому Христове и Пречистыя Богородицы”. К сожалению, митрополит Фотий умер в 1431 году. Юрий Дмитриевич, узнав об этом, вернул крестоцеловальные грамоты Василию Васильевичу, что означало начало новой борьбы за великое княжение.

И повод для неё не замедлил явиться, причём это было событие шестидесятипятилетней давности. Я напоминаю уважаемому читателю о свадьбе Дмитрия Донского, которому перешёл от Дмитрия Суздальского через его дочь Марию (в приданое) дорогой отделки пояс. На следующий день этот пояс пропал. Как выяснилось спустя годы, тысяцкий Вельяминов подменил этот пояс и отдал сыну своему, Николаю, за которого была сосватана другая дочь Дмитрия Суздальского. От него пояс перешёл в род двоюродного брата Донского Владимира Андреевича, а через сына Юрия – к Василию Юрьевичу, в приданое за его женою.

Получив в 1433 году ярлык на княжение, Василий II женился по настоянию матери, Софии Витовтовны, на Марии, дочери удельного князя боровского Ярослава Владимировича. На весёлой и доброй свадьбе молодого князя оказался старец, узнавший пояс Дмитрия Донского, которым опоясан был Василий Юрьевич, и закричал об этом. Вспыльчивая Софья Витовтовна при всех сорвала пояс с ничего не понимающего Василия Юрьевича (в историю он войдёт под именем Косого). Оскорблённые таким отношением близких родственников, братья Юрьевичи тотчас выехали из Москвы. Они не догадывались о криминальной истории этого злополучного драгоценного пояса, но оскорбление, нанесённое им, решили смыть кровью. Уезжая к своему отцу в Галич, они по дороге (говорящая деталь!) “пограбиша Ярославль и казны всех князей разграбиша”. Юрий Дмитриевич, блюдя честь своих сыновей, быстро собрал силы, напал на Москву и выгнал из столицы Василия Васильевича в Кострому, а вскоре и его самого захватил в плен. Так началась первая среди потомков Калиты смута, длившаяся в итоге более четверти века.

Юрий Звенигородский, считая себя справедливо севшим на стол своего отца, пожалел племянника (по просьбе боярина Морозова) и дал ему в удел (на прокорм) город Коломну, который прославился не только тем, что был центром похода против неверного Мамая, уютностью и красотой своей, но и свадьбой Дмитрия Донского. Вскоре ему пришлось стать и новой столицей Московского княжества. Ибо сюда, в знак несогласия с решениями нового князя, стали собираться все обиженные и недовольные новыми порядками. Выезжали из Москвы купно, вместе с семьями и скарбом. Так провинциальный городок превратился в пункт сбора сторонников Василия Васильевича. Побродив некоторое время по опустевшим великокняжеским палатам, Юрий Дмитриевич понял, что против народа ничего сделать нельзя, и выехал из Москвы. Василий Васильевич сел на великокняжеский трон, но уже в 1434 году дядя его присоединился к войскам своих сыновей Василия Юрьевича и Дмитрия Шемяки, и они совместными усилиями снова выгнали Василия. Великий князь вынужден был бежать в Нижний Новгород.

Но Юрий Дмитриевич ненадолго захватил Москву: 5 июня 1434 года он скончался. Старший сын его объявил себя Великим князем. Об этом он и сообщил своим братьям, которые гонялись за Василием Васильевичем. Братья обиделись и написали ему: “Если Богу не угодно было, чтобы княжил наш отец, то тебя-то мы и сами не хотим”. И послали приглашение на трон Великому князю. Узнав о приближении объединённого войска трёх князей, Василий Юрьевич, захватив отцовскую казну, сбежал в Великий Новгород. Оттуда он ушёл в Заволочье, а затем в Кострому, по пути собирая войско для борьбы с Великим князем. Побитый в сражении у реки Которосль, он снова собрал ратные силы, но, не надеясь на них, решил победить хитростью. Встретившись с соединённым войском Василия Васильевича и родного брата Дмитрия Красного, он предложил Великому князю распустить своих воинов для сбора фуража. Тот, не подозревая каверзы, согласился. Василий Юрьевич уже готовился к нападению, но Великого князя успели предупредить. Обманщик был схвачен и привезён в Москву. Когда же Василий Васильевич узнал, что вятичи, союзники двоюродного брата, захватили в плен его полководца – князя Брюхатого – и, получив за него выкуп, не отпустили на волю, он рассвирепел и приказал ослепить Василия Юрьевича.

Этот жестокий поступок, по мнению братьев, требовал отмщения, но мстить, по мнению злопамятного Шемяки, было ещё рано. Он стал выжи-

дать подходящего случая. И случай этот представился через пять лет: Великий князь потерпел неудачу в походе на Улу-Мухамеда.

Небольшая предыстория этого конфликта. За несколько лет до этого Василий Васильевич не захотел поддержать междоусобную борьбу Улу-Мухамеда с ордынскими князьями. Вместо того чтобы оставить своим союзником изгнанного родным братом из Золотой Орды в 1438 году хана, который в своё время поддержал молодого князя в борьбе с дядей, Василий II стал воевать с ним, не видя в этом серьёзной опасности. Его войска окружили хана в городе Белёве. Улу-Мухамед готов был на любые условия, но неожиданно московского князя предал литовский воевода, и хан ушёл к Нижнему Новгороду. Как известно, загнанный зверь защищается отчаянно. Улу-Мухамед и его сыновья совершили стремительный набег на Москву. Великий князь спешно покинул столицу и скрылся на Волге. Оттуда он неоднократно призывал на помощь Дмитрия Шемяку. Двоюродный брат не отвечал на его призывы. Василий II это запомнил. И когда Улу-Мухамед покинул разграбленную столицу и её окрестности, Великий князь собрал свои войска и выгнал Дмитрия Шемяку из его владений в Новгороде. В ответ Шемяка собрал свою рать, но воевать не стал, а заключил мир.

В 1445 году, желая отомстить за нападение на Москву, Василий II подготовил наступление на Казань и выступил в начале июля в поход. Под Суздалем, недалеко от речки Нерль, московские полки, ведомые самим князем, одержали верх над татарским войском. Но довольные победой воины наши, как писал летописец, “оплошали и разбрелись за добычей”. Дорого им стоило их легкомыслие! Русское войско было разгромлено, а мужественно сражавшийся, весь израненный Великий князь был взят в полон Улу-Мухамедом.

Для молодого государства это был чувствительный удар. Тем более что выкуп был назначен невероятно большой – 200 тысяч серебром! Более того, крупные отряды татар должны были контролировать выплату этой дани, а татарские знатные воины формально поступили на службу к Московскому князю. Естественно, на его кошт. Новые денежные тяготы оказались тяжелейшей ношей для жителей княжества. И среди бояр, и среди воинов поднялся ропот. Этим воспользовался Шемяка и его соглядатаи. К ним примкнул и князь Иван Можайский. Узнав о том, что Великий князь приехал в Троицкий монастырь для совершения молебна, заговорщики напали на него и увезли в Москву, где на четвёртый день ослепили, отомстив таким образом за ослепление Дмитрия Косого. Дмитрий Шемяка велел увезти Василия Тёмного в ссылку в Углич, а мать его Софью Витовтовну – в Чухлому. К счастью, малолетних сыновей его Ивана и Юрия успел увезти из Троицкого монастыря в свою вотчину – село Боярово – князь Ряполовский. Правда, вскоре под давлением Шемяки и при невольном посредничестве рязанского епископа Ионы Ряполовского заставили отдать детей. Шемяка клятвенно обещал выпустить слепого отца на волю, а его детей пожаловать волостями. Но слово своё не сдержал, а заточил их там же в Угличе, где содержал и Василия, с тех пор прозванного Тёмным.

Эта жестокость вызвала в Москве “народную волну в пользу законно наследственного государя”, а среди служилых людей Великого князя – мощное сопротивление против несправедливых действий Шемяки. Стали создаваться дружины, которыми руководили князья Ряполовские, Стрига Оболенский, бояре братья Ощера и Бобр, а также Филимонов, Русалка, Руно... Одни из них двинулись в сторону Углича, а другие (во главе их стояли потомок Владимира Андреевича, князь Василий Ярославич и князь Оболенский) повернули к Литве, чтобы соединиться со сторонниками Великого князя. Уже знакомый читателю историк Москвы В. В. Назаревский убедительно писал в своей книге “Из истории Москвы”, что “особенно велика была поддержка принципу наследственного единодержавия со стороны Церкви и её предстоятеля – святителя Ионы. Он был иноком в Симоновом монастыре и нёс послушание “в пекальнице” или в хлебной... этот достойнейший преемник святых Петра и Алексия энергически стоял за законного государя Василия Васильевича. Когда восторжествовал над ним Шемяка, Иона, бывший в то время ещё только Рязанским владыкой, печаловался о своём заточённом великом князе и его сыновьях, находившихся в Муроме, под защитой князей Ряполовских... Когда Шемяка не сдержал своего слова, не отпустил угличского заточника, то св. Иона обличал его за то, что он сделал святителя орудием своего обмана. “Что тебе может сделать слепец? – говорил иерарх. – Дети его ещё малы; укрепи его крест-

ным целованием и нашей братией-владыками”. Благодаря заступничеству Ионы Шемяка освободил Великого князя, взяв с него клятвенное слово более не искать великого княжения.

Церковь была последовательна в своих действиях. Подвижник благочестия игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон освободил Василия Васильевича от клятвенных грамот, данных Шемяке. При этом действии присутствовали многие бояре и боярские дети, простые люди, любившие своего государя. Его поддержал и Великий князь тверской Борис Александрович, чья малолетняя дочь Машенька была помолвлена с юным Иваном Васильевичем.

В пути к Москве в отряды великого князя влились дружины доброжелателей из Литвы и, что было совершенно неожиданно, отряды сыновей Улу-Мухамеда: они помнили помощь, оказанную им Василием Васильевичем и его отцом. Таким образом, при ликовании народа Великий князь вернулся на трон Дома Калиты.

Шемяка вынужден был признать Василия Тёмного Великим князем и подтвердить это “проклятыми” (то есть клятвенными) грамотами, хотя в душе он держал огромную обиду на двоюродного брата. Узнав о попытках Шемяки через своих людей вопреки договору поднять восстание против него, Василий Тёмный, понимая, что подобная *замятня* (смута) может длиться вечно, отдал это дело на суд собору епископов. Владыка Иона “от лица русских святителей” послал Шемяке “укорительное” послание, скреплённое печатью пяти владык. Послание это убеждает всех быть верными и послушными своему “государю – Великому князю, и грозит тоже отлучением тем, кто не добьёт челом своему государю”.

Настойчивый Шемяка осадил Кострому, но его напор был отбит боярином Фёдором Басёнком. В следующем, 1450 году он был разбит под Галичем и бежал в Новгород. Но Шемяка не прекращал борьбы и после захвата отцовского города. Такое положение не устраивало ближних бояр, и по совету одного из них Дмитрий Шемяка был отравлен. Его сторонники Иван Можайский вместе с Шемякиным сыном Иваном и другими своими сторонниками бежали в Литву. Так закончил свою жизнь человек, чей княжеский неправый суд в народе стал нарицательным – “Шемякин суд”.

Василий Васильевич не забыл о том, что Господин Великий Новгород принимал врага Москвы под свою крышу. Вскоре было собрано войско, которое возглавили опытные полководцы – князь Стрига Оболенский и Фёдор Басёнок. Им не составило особого труда разбить под Русою новгородские отряды, собранные наспех. Можно понять независимый город, на который зарились не только Литва, но и ливонский магистр, грозивший поднять против него скандинавов. Пример его соседа Пскова (нижегородцы называли его своим посадом), подчинившегося воле Москвы, говорил о том, что и Новгороду нужен покровитель. Горожане обязались платить Великому князю не только чёрный бор, но и судные пени, а также писать свои грамоты от имени Великого князя Московского. Великий Новгород был смирен. Но ненадолго. В том же году Великий князь Московский намеренно поставил своего десятилетнего сына Ивана Васильевича соправителем Московского великого княжества. С этого момента все юридические документы (грамоты) исходили от имени двух великих князей.

Подводя итог жизнедеятельности Василия Васильевича Тёмного, сделаем небольшое, но важное для понимания его правления отступление. Евгений Александрович Белов, один из авторов энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб, 1890–1907), писал в статье “Василий Васильевич Тёмный”: “Княжение сына В. Д. показало, что сила, значение и направление политики Москвы не зависели от личности князя. В. В. был человек характера слабого и злого, никогда не обнаруживал ни политических, ни военных талантов, после отца остался десяти лет, и, следовательно, лет десять не мог сам управлять, в 16 лет был слепцом. При всем том сила и значение Москвы, в его тридцатидвухлетнее княжение, в продолжение которого он 26 лет не мог править то по молодости, то по слепоте, не только не уменьшились, но ещё возросли. Этот многозначительный факт показывает, что усиление Москвы находило сочувствие массы населения во всех княжествах давно, благодаря Церкви, чаявшей единства Русской земли”.

Текст известного военного историка, высоко оценившего жизнедеятельность сына Василия II Ивана Великого и правнука его Ивана Грозного, требу-

ет небольшого пояснения. Не будем обращать внимание на то, что Евгений Александрович почему-то посчитал Василия Васильевича с “16 лет слепцом”, хотя ослепление его произошло в 1446 году, то есть правил он княжеством целое десятилетие самостоятельно, да и дальнейшие 16 лет крепко держал в своих руках бразды правления Московского государства. Последние десять лет жизни Василию Васильевичу очень помогал молодой сын его Иван, прозванный вскоре заслуженно не только Великим, но и Правосудом. В возрастании этого государственного мужа есть большая заслуга отца, бывшего отнюдь не слабым правителем. Кстати, если верить его современникам, слепота изменила его характер. Он стал более твёрдым в своих поступках, и решения его государственные стали более последовательными и взвешенными. А вот в том, что значение Московского княжества в тридцатисемилетнее правление Василия Васильевича усилилось, Евгений Александрович совершенно прав.

Если объективно объединить мнения других историков в одно целое, то характеристика личности Василия Васильевича будет примерно такой: “Начал худо; не умел повелевать, как отец и дед его повелевали; терял честь и Державу, **но оставил Государство Московское сильнейшим прежнего**, ибо рука Божия, как бы вопреки малодушному князю, явно влекла оное к величию, благословив доброе начало Калиты и Донского”. И такое совместное их мнение будет справедливым.

И ещё об одном великом поступке молодого Василия Васильевича, не давшем ему сменить веру наших предков на латинскую, стоит сказать особо. Одно только это мужественное бескомпромиссное стояние за Православие можно вменить в огромную заслугу Великому Московскому князю перед Русской Православной Церковью и родиной.

После смерти митрополита, грека Фотия, в 1431 году в Москве пожелали иметь своего, русского митрополита, тем более что достойный кандидат уже был – владыка Иона. Но литовский князь Свидригайло успел послать в Константинополь на утверждение своего ставленника – Смоленского епископа Герасима, который правил первосвятительской кафедрой с 1432-го по 1435 годы, пока неуровновешенный Свидригайло не сжёг владыку под подозрением в измене. И только в конце 1435 года митрополит Иона, облечённый доверием всех епископов русских, представителей белого духовенства, монашества, бояр и земских людей, а также поддерживаемый Великим князем Василием Васильевичем, преодолевшем претензии на трон своего дяди, отправился в Константинополь для утверждения в сане. Но долгие сборы и тяжкий путь в греческую столицу, собственные проблемы Константинопольской Патриархии были виной тому, что Иону опередили и призвали на русскую митрополию нужного патриархату грека Исидора.

В Греции современники считали его выдающимся философом, постигшим великие знания. Ещё в 1433 году греческий император Иоанн Палеолог посылал его на Базельский Собор, чтобы подготовить соединение христианских церквей в единое целое. Греческому патриархату Ферраро-Флорентийский Собор представлялся великим собором, на который соберутся христианские иерархи и главы христианских государств для выработки единых догматов вероисповедания. Без Русской Церкви такой Собор был немыслим, и потому греки выбрали митрополитом всея Руси именно Исидора. В нём они ценили ум и начитанность, а также горячее желание содействовать делу единения христианских церквей. В том, что латиняне пойдут на догматические уступки благодаря греческому красноречию и убеждённости, греки не сомневались. Кроме того, они имели огромную надежду на то, что Исидору удастся уговорить Великого князя Василия Васильевича помочь финансами, как прежде помогал им его отец. Сам Патриарх говорил: “Если бы потребовалось и до ста тысяч аспров, то можно собрать с епископов: митрополит русский один привезёт такую сумму”. Действительность оказалась иной.

Папа наотрез отказался принять все аргументы греческой партии. Практически весь 1438 год прошёл в прениях. Наконец, когда Собор был перенесён во Флоренцию, Папа поставил вопрос ребром: или православные принимают латинское вероучение к Пасхе 1439 года, или уезжают восвояси. Несчастные греки заколебались. Наиболее податливых специально приглашали к Папе, и они возвращались оттуда поборниками воссоединения Церквей. Уступление началось с русского митрополита Исидора и никейского митрополита Виссариона, они склонили к тому же и царя, и умиравшего Патриарха Иосифа. Затем,

путём разных притеснений и давлений, были понуждены к унии и все остальные греческие иерархи, кроме Марка Ефесского. Как писал современник событий, они “подписались под актом унии, по их собственным словам, со стеснением и плачем в глубине сердца своего”.

Митрополит Исидор приехал в Москву 19 марта 1441 года, в третье воскресенье Великого поста. По обряду папского легата, он въехал в город с преднесением латинского креста и проследовал прямо в Успенский собор для богослужения. На литургии митрополит Исидор велел помянуть на первом месте не имя константинопольского Патриарха, а имя Папы Евгения IV. После литургии митрополит приказал своему протодиакону прочесть во всеуслышание с амвона Соборный акт об унии от 5 июля 1439 года. Затем передал Великому князю послание от Папы с просьбой к Василию Васильевичу быть усердным помощником митрополиту в деле введения унии на Руси!

Конечно же, Москва к приезду митрополита уже знала о том, что произошло на Флорентийском Соборе. Великий князь не сразу понял, что Константинопольский император вместе с патриархом совершили вероотступничество ради призрачного спасения своей родины. Он не мог поверить этому! И когда митрополит подтвердил факт заключения унии и её необратимость, Василий Васильевич объявил Исидора еретиком и велел посадить его в Чудов монастырь. **Так Москва встала на защиту Православия и отторгла митрополита-униата и ересь униатства, которая грозила укорениться по всему княжеству. Эту защиту традиционного Православия можно считать подвигом Великого князя Московского во славу Русской Православной Церкви и Родины.**

Василий Васильевич, чтимый народом и детьми, преставился на сорок седьмом году жизни, 17 марта 1462 года, в полной уверенности, что трон предков находится в надёжных руках.

3. “Иван Васильевич первый прославил русское имя, до тех пор не известное”. Джон Мильтон

“Великая гора был царь Иван”, – так назвал Ивана III в своей знаменитой трилогии о Смутном времени один из лучших наших поэтов – Алексей Константинович Толстой. Почему же “горой”, да ещё и “великой”?

Насколько справедлива эта характеристика? Неужели он так высоко возвышался над своими предками? Историк С. М. Соловьев назидательно замечает: “Мы знаем, что в древней нашей истории не Иоанн III был творцом величия России, но что это величие было приготовлено до него в печальное время княжеских усобиц и борьбы с татарами...”.

Так ли это? Полная ли это правда? Возможно, Виссарион Белинский был более прав, когда восторженно писал: “Вот могучий Иоанн III, первый царь русский. Душа отдыхает и оживает, когда выходит на сцену этот могучий человек с его гениальной мыслию, с железным характером, непреклонной волею...”. И всё же посмотрим, как было на самом деле. Кто были предтечи Ивана Великого?

В истории существования московского княжества первым значительным лицом, деятельным и норовистым, был Иван I, по прозвищу Калита, внук Александра Невского, сын родоначальника московских князей Даниила Александровича, младшего сына Невского. При нём Москва стала резиденцией митрополита всея Руси – задолго до того, как стала политической столицей. Его часто называют собирателем Руси. Это далеко не так. Но Калита стал инициатором соединения всех русских земель в единое целое. И немало преуспел всеми правдами и неправдами на этом неблагодарном поприще.

Второй выдающейся фигурой среди сменяющихся друг друга московских князей был политик и полководец Дмитрий Донской, внук Ивана I. При нём началось строительство белокаменного Кремля, ибо Москва из центра маленького удельного княжества становилась общерусской столицей. И благодаря его объединительным усилиям с благословения Сергия Радонежского стопятидесятитысячная армия русичей разгромила карательную рать татарского темника Мама. Эта победа имела великий смысл: русские освободились от страха перед полчищами ордынцев. Эта же победа легла краеугольным камнем в фундамент строительства общерусского государства.

Но велики были людские потери на Куликовом поле, страшным катком прошла в 1382 году по княжеству безжалостная военная машина хана Тохтамыша, разоряя города Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров и, конечно, Москву. Долго пришлось Руси оправляться от такого разора. Сын Дмитрия Донского Василий I немало приложил усилий, восстанавливая уничтоженное и потихонечку-помаленечку приращивал к Московскому княжеству то Нижний Новгород, то Муром, то Вологду, то земли Коми.

При княжении юного Василия II в Московии началась смута, в которой участвовали дядя его Юрий Дмитриевич, а после смерти его – сыновья Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Эта борьба за великокняжеский стол грозила свести на нет мечту о едином Русском государстве. Но уже окрепла в народном сознании мысль о первенстве Москвы в собирании русских земель, да и молодой князь, несмотря на татарский плен и ослепление Дмитрием Шемякой, показал бойцовский характер. Василий Тёмный сумел одержать победу в феодальной войне и, уходя из жизни в 47 лет, твёрдо указал в своём духовном завещании: “А сына своего старейшего, Ивана, благословляю своею отчиною, великим княжением”, – не упоминая ни словом о “царе” – золотоордынском хане.

Что же получил молодой Великий князь во владение? “Треть в Москве, и с путями”, то есть наследство Василия II, доставшееся тому от Василия I, “с Добрытинским селом с бортью и Васильцевым с людьми. А также 12 городов со всеми землями и доходами”. Это – Коломна, Владимир, Переяславль, Кострома, Галич, Устюг, Суздаль, Нижний Новгород (с Муромом, Юрьевцем и Великой Солью), Боровск, Калуга, Алексин, а также Вятская земля, хотя власть над ней была номинальной. И братья его получили немалые уделы: все четверо вместе владели 11-ю городами с уездами. Кроме того, у каждого из них была доля в Московских владениях и право судебной и политической власти в своих вотчинах. Накануне княжения Ивана III русская земля “представляла собой пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией” (Ю. Г. Алексеев). Удельная система осталась в неприкосновенности.

Чтобы понять, на каком фоне совершалось становление Московской державы, уважаемому читателю необходимо вспомнить, что происходило во второй половине XV столетия с европейскими государствами.

В 1453 году в результате захвата турками Константинополя династия Палологов, процарствовавшая почти двести лет, прекращает своё существование, а вместе с нею и вся Восточная Римская империя. Османское государство вбирает в себя Грецию, Болгарию и Сербию. Католическая Европа, ненавидевшая Православие, ничего не сделала для спасения этих христианских стран от магометанского притеснения.

Италия является ареной раздоров между городскими республиками. Римская империя, Испания и Франция борются за право обладать этим лакомым куском. Франция во второй половине XV века, так неудачно начавшегося для неё, находит в себе силы освободиться от власти англичан и собрать воедино свои земли.

Германская империя под руководством Фридриха III (1440–1493) неумолимо идёт к своему закату и грозит распасться на десятки удельных княжеств, которые только в XIX веке под прусским шлемом Бисмарка снова сольются в единое государство. Королевства Кастилия, Леон и Арагон именно в это время объединяются в могучую испанскую державу.

Англия после поражения от французов вступает в период своего смутного времени (1455–1485), называемого войной Алой и Белой Розы. Португалия весь XV век занята открытиями заморских земель и созданием своих колоний в Старом и Новом Свете. На севере Европы в конце XIV века объединяются, хотя и временно, для совместной жизни Дания, Норвегия и Швеция.

Королевская Польша вступает в союз с Великим княжеством Литовским при Ягайле (сыне тверской княжны) и образует мощное государство, которое спорит, и успешно, с императором Германии, оказывая своё влияние на Чехию и Польшу.

Московское же княжество в этот период представляет собой небольшое образование, граничащее с Тверью (80 км) – самым враждебным ему русским княжеством, с Литвой (100 км) – самым опасным врагом русского княжества, с татарами (100 км) – самым агрессивным своим соседом. Несколько переходов и – Москва под ударом с запада или с юга!

Академик Борис Александрович Рыбаков в предисловии к моей исторической драме “Противоборство” (Тула. ПКИ. 1988. С.126) так писал об этом времени: “Казалось, что звезда Москвы уже совсем померкла. Но объективный ход истории, общенародная воля к единству (подкреплённая циклом былин о могуществе богатырской в своём единстве Киевской Руси) привели к преодолению центробежных сил”. И в этом преодолении великую роль сыграл острый ум и недюжинная воля государственного деятеля и полководца Ивана III.

Жизнь не баловала юного княжича. Чтобы понять его последующие действия, осторожные и продуманные, надо заглянуть в его детство, беспокойное и тревожное. Когда ему было четыре года, казанский хан Улу-Мухаммед, внук Тохтамыша, захватил Нижний Новгород. За пять лет до этого он 10 дней осаждал Москву, к счастью, безуспешно. Его отец – Василий II – на следующий год попытался нанести ответный удар, но 7 июля 1445 года потерпел поражение под Суздалем и попал в плен, из которого был отпущен ханом только за большой выкуп. Естественно, что Иван III не мог забыть разбоев и унижений, чинимых татарами, и, когда пришёл к власти, попытался умерить амбиции их властителей. Но понадобилось ещё долгих двадцать лет, чтобы русские войска взяли Казань и молодое ханство попало в вассальную зависимость от Москвы.

Кровавая междоусобная борьба, длившаяся около тридцати лет, когда двоюродный брат отца пленил его, а потом и ослепил, оставила тяжёлый след в сознании княжича. Через несколько десятилетий он напомнил об этом своей дочери Елене, вышедшей замуж за короля Польши и Великого князя Литовского Александра Казимировича: “Ино, дочи, слышал яз, каково было нестроение в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земле, слышала еси, каково было нестроение при моем отце”.

2 июля 1451 года ордынский царевич Мазовша со своим войском стремительно подошёл к Москве. Столица приготовилась к осаде, а Василий Тёмный спешно выехал из города, чтобы собрать войско для защиты Москвы. Его сопровождал старший сын, впервые названный Великим князем. К счастью, горожане успели дать отпор налёткам. Помогли ли им небесные силы или мужество самих горожан, или какая иная была тому причина, но утром татар и след простыл. Этот дерзкий, неожиданный набег и возникшую в результате суматоху и панику юный Великий князь запомнил на всю жизнь, и в будущем он всегда старался предупреждать действия своих противников, в частности, через восемь лет он “со многими силами” отбил на Оке нашествие ордынцев Сеид-Ахметовича. За всё своё полувековое правление он никому не позволил приблизиться к столице Руси.

В двенадцать лет он стал не только Великим князем, но и соправителем отца. В те времена взрослые рано: к примеру, Василий Тёмный по завещанию отца стал Великим князем в десять лет, а дед его Дмитрий Донской – даже в девять лет. Отсюда, из сурового детства, вероятно, и растут корни его ранней зрелости как государственного деятеля.

В январе 1452 года Василий Васильевич “отпусти сына своего, великого князя Иоанна... противу князя Дмитрия (Шемяки)”. Это был первый самостоятельный и очень трудный зимний поход длиной в сотни километров по северному краю Руси. Здесь он впервые увидел ужасы военных действий. Бесстрастный летописец сообщает нам: “воюючи, город Кокшенгу взял, а кокшаров секл множество”. Такова была жестокая школа жизни. Но Шемяку он не догнал – очень уж быстро бежал от него дядя.

В том же году 4 июня отец женил Ивана на десятилетней (!) тверской княгине Марии Борисовне. Этот брак был удачной попыткой остановить столетнюю вражду между Тверью и Москвой. В двадцать пять лет любимая жена князя умерла, потому тело её удивительным образом отекло. Подозревали в воровстве служанку великой княгини Наталию Полуктову, но Иван не поверил в её злодейство. Он не был таким подозрительным, каким станет его царственный внук.

Через десять лет умер и Василий Васильевич. 28 марта 1462 года Иван Васильевич стал полноправным государем Московским. Впервые за более чем двухсотлетнюю историю государства русский князь не обращался за ярлыком на великое княжение в Орду, хотя ещё в течение четырнадцати лет платил Орде “выход” и принимал её посольство, но при этом зорко следил за границей и отбивал набеги кочевников. Ахмат, умный и дальновидный хан Золотой

Орды, не спешил наказывать строптивца. Он понимал, что к карательной экспедиции необходимо основательно подготовиться, потому что успешный набег не приведёт к успеху. Через десять лет он попытался учинить разгром на Руси, но неожиданно встретил умелый отпор 180-тысячной армии Ивана III и поспешно ретировался, а через восемь лет попытался взять реванш...

А пока молодой князь наводит порядок в своём хозяйстве и пристально следит за положением в соседних княжествах. В нём рано проснулся зрелый ум стратега и дальновидного политика, умеющего провидеть и терпеливо ждать, ценящего друзей и союзников. Когда подросток в Москве юный Василий Рязанский, его отпустили в стольный город Переяславль. В январе 1464 года он приехал в Москву, чтобы жениться на Анне, сестре Великого князя. В Москве родился их сын Иван, будущий великий князь Рязанский, союзник Ивана III.

Николай Карамзин верно подметил рано созревший ум правителя: «В лета пылкого юношества он изыскивал осторожность, свойственную умам зрелым, опытным и ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности, и несправедливости, уважая общее мнение и правило века».

В 1463 году Ярославское великое княжество вошло в состав Московского государства. И совершилось это тихо и спокойно, без военных действий, ибо княжество угасало естественным образом. Ярославские князья переходили на службу к сильному правителю. Они «простились со своими отчинами навек, подавали их Великому князю Ивану Васильевичу. А князь Великий против их отчины подавал им волости и села», то есть те становились московскими вотчинниками.

В зимних переговорах начала 1464 года с Новгородом и Псковом Московский князь впервые выступает как государь всей русской земли, который вправе судить власти Новгорода и Пскова, считая эти земли своей «отчиной». Через семь лет, подписывая Коростынский мирный договор, Иван III согласился держать Новгород «в старине, по пошлине, без обиды». Разгромив на Шелони, по своему плану и под личным руководством, сорокатысячное новгородское войско, Иван III мог диктовать свои условия. Падение торговой республики, которая была противником общенациональных интересов и постоянно вела политические интриги, означало одно: создание крупного централизованного государства. Отныне государь Московский именовался «князь Великий... Володимирский и Новгородский... И всея Руси самодержец...» А ещё через семь лет и «Господин Великий Новгород» войдёт составной частью в русское государство.

Поразительно, как в таких неблагоприятных условиях жизни смогло в нём сформироваться аналитическое мышление и объёмное мировоззрение? Он стал отцом в семнадцать лет. Его пятнадцатилетняя жена подарила ему сына Ивана, будущего талантливого полководца. Но это не удивительно. Для того времени подобное было нормальным явлением: через сто пятьдесят лет, чтобы восстановить численность населения после потерь Смутного времени, Русская Православная Церковь разрешит браки с пятнадцати лет. Удивительно другое: Иваном Васильевичем с молодости владела мысль о Руси как общей Отчизне. Он был первым из русских князей, кто не только думал или писал (как Симеон Гордый), но и говорил о себе как о Государе Всея Руси, считая себя преемником Рюрика и Владимира Святого, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Отсюда и его поведение с правителями соседних княжеств — стран иных. Придёт время, и он откажется от великой чести для европейского государя — принять корону короля от германского императора. Но именно при нём возобновятся международные связи Киевской Руси с Италией, Германией, Персией, скандинавскими странами...

Смирив непокорный Новгород, Великий князь берётся за обустройство своей столицы. Успенский собор, строительство которого началось по благословению митрополита Петра при Иване Калите, уже устарел. Нужен был новый, который бы соответствовал настоящему положению Москвы. Ивану III очень хотелось поставить такой храм, каким был Успенский собор во Владимире. 30 апреля 1472 года состоялась торжественная закладка нового храма. Через три года его заново начнёт строить великий зодчий Аристотель Флорентинский. А через семь лет собор будет стоять в центре Кремля, изящен и величествен, благороден, как русская и европейская культуры, родившие его.

Да и неудивительно: ведь чтобы построить этот собор, Иван Васильевич отправляет Аристотеля в поездку по северным русским землям, вплоть до Белого моря. И в этой поездке итальянский архитектор смог напитаться духом старинного русского зодчества, обозревая удивительные русские храмы, построенные ещё до монгольского нашествия.

26 июня того же года пришла радостная весть от воеводы Фёдора Пёстро-го Стародубского о победе на реке Колве над войском князя пермского Михаила. Это означало, что северная часть Пермской земли вошла отныне в состав Московского государства. Открывалась возможность хозяйственного освоения Северного Урала.

Этот государственный подход к собиранию Руси дивно отметил старый, ныне, к сожалению, забытый, умный историк князь Щербатов: “Он был разумен и дальновиден: свидетельствуют то его дела и мудрые учреждения; ибо никогда нечаянная война его не находила неготового к брани, и все почти свои брани окончил с меньшим, елико возможно, кровопролитием; приобрёл себе самодержавную державу над Новым Городом и покори́л Тверское княжество, не толь силою оружия своего, коль мудрыми своими поступками, и принудя и самые вольные народы любить свою власть. Разными образами сыскал способ присоединить к Московскому княжению в полную себе власть и другие удельные княжения и чрез сие самое прекратить все междоусобия и беспокойства, которые Россию колебали и ослабляли ее. Старался с европейскими государствами иметь союзы и сообщения, дабы чрез сие просветить свои народы в нужных вещах; чего ради и множество чужестранных разных художников в Россию выписывал; а союзами в Европе хотел учинить некоторый перевес и силе татарской. Тщателен он был содержать союз с Менгли-Гиреем, ханом крымским, как для устрашения всегдашних врагов России, поляков и литовцев, так дабы и более татар большие орды всегда в разделении содержать, от подданства которых он первый почти освободился. Строгий исполнитель веры, во всю жизнь свою показывал совершенное набожие, исполняя то строением храмов, почтением к духовному чину и истреблением ересей. Можно ещё сказать, что самая твёрдость его в греческом католическом законе много ему и в политических делах послужила: ибо, быв почитаем истинным защитником православной веры, ту часть новгородцев, которые не хотели ради разности вер поддаться полякам и литовцам, по самой обязанности к вере, в доброжелательстве к себе удержал; и когда началась брань с князем Александром Литовским, тогда многие князья и с вотчинами своими по единоверию под власть великого князя Московского предались. Знающий в военном тогдашнем времени искусстве, но елико можно избегающий от войны, яко от величайшего государствам зла. Хотя сей государь и не во многие походы сам ходил, но я не думаю, чтобы сие было от недостатка личной его храбрости; но за лучшее почитал чрез воевод своих всегда действовать, представляя себе изнутри государства равно действия войск своих учредить, нежели обратя свои внимания на единую войну, оставить какую другую часть государства без нужного призрения”.

12 ноября 1472 года произошло ещё одно знаменательное событие: в столицу торжественно въехала невеста великого князя, дочь Морейского деспота Фомы, племянница последнего византийского императора Константина Палеолога Софья Палеолог, она же Зоя Палеологиня. В тот же день состоялось венчание Софьи Фоминичны с Иваном Васильевичем. Н. М. Карамзин приводит слова митрополита Филиппа: “Бог посылает ему столь знаменитую невесту, отрасль царственного древа, коего сень покоила некогда всё христианство православное, неразделённое; что сей благословенный союз, напоминая Владимирова, сделает Москву как бы новою Византиею и даст монархам нашим права императоров греческих”. Правда, правами греческих императоров притраговывал её брат Андрей, отдавая их то одному европейскому королю, то другому. Но польза от этого династического брака была несомненной: Россия становилась преемницей Византии в Европе, единственной среди православных стран, не зависящей ни от турецкого султана, ни от хана Золотой Орды. Последний же сделал всё для того, чтобы наступило поскорее время расплаты с дерзким “улусником Ивашкой”.

1480 год был с самого начала тяжёлым для Московского государства. 1 января войско Ливонского ордена напало на псковские земли, взяло Вышгородок и осадило Гдов. Семнадцатилетнее перемирие закончилось. Воевода

Ивана III князь Ноготь Оболенский с московскими полками выступил навстречу псковичам. Совместно они взяли укрепление Омовжу на Чудском озере и осадили Юрьев. Но на следующий день воевода неожиданно ушёл из псковской земли. В первых числах февраля в Новгород, где находился Великий князь, который стремился погасить крамолу, зажжённую архиепископом Феофилом и его сторонниками, пришло известие о том, что “князь Андрей Большой да князь Борис отступиша от Великого князя”. Мятеж родных братьев, недовольных стеснением своих удельных прав и усилением влияния Великого князя, грозил новой смутой, подобной недавней шемякинской.

Возвратившись в Москву, Иван III пытается уничтожить конфликт в зародыше и посылает к братьям с мирными предложениями боярина Андрея Михайловича Плещеева. Но тщетно. Братья закусили удила. Тогда Великий князь направляет к ним для переговоров своего духовника, архиепископа Вассиана, который пользовался у них несомненным авторитетом. Братья надеялись на то, что Новгород поддержит их мятеж, но Иван III успел выкорчевать крамолу из этого города. Не отказавшись от переговоров, они всё же продолжали свой мятеж, “грабише и плениша, токмо не секоша” русских людей.

Опасным для Великого князя было то, что братья обратились за помощью к польскому королю Казимиру, их “печальнику”. Формально это было так, ибо в духовном завещании Василия Тёмного записано, что тот должен “печалиться” о его детях. Но Казимир постоянно выступал против Московского государства, то пытаясь включить Новгород в состав своего королевства, то натравливая Ахмата на Русь. Угроза совместных действий Ахмата и Казимира была реальной, и Московский государь старался активными действиями обезопасить себя от нашествия. Поэтому он через своего посла, князя Ивана Звенца-Звенигородского, подписывает с крымским ханом Менгли-Гиреем стратегически важный союзный договор о взаимопомощи при нападении, делает своими союзниками тюменского хана Ивака и вождей поволжских племён, направляет новое посольство к братьям для переговоров, предлагая им территориальные уступки, готовится к возможной осаде Москвы.

Эти приготовления не были напрасны: весной Ахмат, собрав огромное войско, вместе с Касымом, своим племянником, и дружественными им семьюдесятью ордами выступил в поход. Двигался он не спеша, зная, что положение Московского князя незавидно: продолжался мятеж братьев, стотысячная армия Ливонского ордена осадила Псков; кроме того, хан заручился поддержкой польского короля Казимира и ждал уже подхода его войск.

8 июня двадцатитрёхлетний полководец, Великий князь Иван Молодой выступил в поход к окским рубежам. Его отец Иван III с основными силами вышел из Москвы к Коломне. На рассвете 6 октября русские воины встретились с передовыми отрядами Ахмата. Так началось Великое противостояние на реке Угре, которое длилось 33 дня. Стараниями русских историков Татищева, Карамзина и особенно советских – Базилевича, Павлова и Каргалова – восстановлена картина тех долгих дней. И встаёт перед нашим мысленным взором трудная и жестокая война, которая шла на многих фронтах. Острый дипломатический ум Московского государя позволил ему выиграть время, ведь ни к чему не обязывающие переговоры с Ахматом, поджидая прихода замирившихся братьев. И 20 октября их полки прибыли в ставку Московского правителя – в Кременец.

Хан узнал об этом. На приход войск Казимира он уже не надеялся. Зима была ранняя. Реки стали покрываться льдом. Начались болезни, падёж коней. Воины стали роптать и растекаться по окраинам казимировых владений, чтобы хоть чем-нибудь поживиться.

Ахмат повернул коней назад, грабя и забирая в полон. Великий князь послал ему вдогон трёх своих братьев. Ордынцы побежали. Через два месяца хан Ивак убьёт Ахмата и верноподданнически сообщит об этом в Москву.

На берегах Угры завершился процесс складывания великорусской народности. Произошло второе рождение России. И в этом – в создании русского государства и в освобождении от тяжкого ига – великая заслуга Московского государя Ивана III. Немудрено, что к Москве сразу же потянулись русские единоверные земли, прося защиты от притеснений католической Литвы. В последующее двадцатилетие в состав Московского государства вошли Тверское княжество, Вятка, Вязьма, Новгород-Северский, Стародуб, Гомель, Брянск, Торопец, Мценск, Дорогобуж, Путивль, Рыльск

и другие города и сёла. Своему сыну Василию III Московский князь оставляет централизованное государство, по размерам в восемь раз большее, чем досталось ему, с развивающейся инфраструктурой, в которой проглядывают будущие военные, дипломатические и производственные ведомства, со своим сводом законов и двуглавым гербом государства, не случайно заимствованным у Византии.

Мудрый Карамзин справедливо замечает, характеризуя время Ивана Васильевича: “Уже союзы и войны наши имеют высшую цель, каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу Отечества. Народ ещё коснеет в невежестве, в грубости, но правительство уже действует по законам ума просвещённого... Посольства иноземные одно за другим являются к нашей столице: император, Папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха российского, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новгорода до Сибири”.

Сын Ивана Васильевича Василий III упрочил и расширил приобретения своего отца. Кто-то из наблюдательных людей заметил, что той стране повезёт, у которой два мудрых правителя следуют друг за другом. России повезло, и заложенный двумя Рюриковичами потенциал позволил ей выстоять и преодолеть ещё не одно смутное время, включая и наше с вами, уважаемый читатель!

Академик Рыбаков справедливо заметил: “Иван III, к сожалению, не был воспет ни современниками, ни потомками, хотя обозначенная его именем эпоха вполне достойна эпического увековечивания”. (“Противоборство”. Тула. ПКИ, 1988. С. 126.)

Слишком это была крупная фигура для того времени, чтобы современники смогли разобраться в ней. Но мы-то можем отметить два (с моей точки зрения) несомненных качества, которые отличают его в ряду выдающихся личностей русской истории: **он берёт людей** и любил побеждать не мощью полков, хотя его армия была одной из лучших в Европе по умению биться и по оснащённости своей, а силой разума, полководческого предвидения; он ценил свободу, это при нём выросло несколько поколений, не знавших опустошительных набегов и унижительного плена. Народ дал ему любовно не одно имя, как обычно, а сразу несколько: Иван Правосуд – для своих и для врагов, Иван Великий – от дел его. Прав Алексей Константинович Толстой – великая гора был царь Иван III! Настолько великая, что даже мы, дальние потомки его, видим её отчетливо и уважительно склоняем головы пред ним.